

С.В. Погорельская

**Германия – Польша – Россия:
Особенности взаимного восприятия
и внешняя политика**

Прежде чем перейти к практической части исследования, несколько слов о том, какое содержание автор вкладывает в используемые в этой статье понятия – речь идет о так называемых «рабочих определениях», которые фигурируют в данном исследовании. В работах, где присутствуют иные теоретические подходы, данные понятия могут быть наполнены другим смыслом.

Под «*внешней политикой*» автор понимает совокупность мер, направленных на возможно более полное осуществление официально принятых в государстве и на данный период времени представлений о взаимоотношениях с другими государствами или с иными субъектами мировой политики, с тем чтобы организовать эти отношения наилучшим для себя образом и обеспечить тем самым свое дальнейшее самостоятельное существование в оптимальных для себя условиях.

Эти представления о взаимоотношениях с государствами и иными субъектами мировой политики зависят от особенностей политической культуры, сложившейся в данном государстве. Под «*политической культурой*» автор подразумевает присущий организованному на государственном уровне обществу характер восприятия внутри- и внешнеполитических вызовов, тип концептуализации и реализации внутренней и внешней политики. Таким образом, к ней относятся не только политически действенные воззрения, определяемые

соответственными ценностями и базирующиеся на когнитивных или эмоциональных основах, но и характер соответствующего политического действия. Политическая культура находит выражение во взаимоотношении ряда факторов – в характере восприятия политических реалий и вызовов, в концептуализации соответствующего политического действия и в самом этом действии.

Особенно интересны основополагающие, исторически сложившиеся и относительно стабильные формы восприятия (так называемые *конструкты*), с одной стороны, определяющие особенности идентификации вызовов и концептуализации действия и, с другой – сами постепенно модифицирующиеся в ходе длительной конфронтации с новыми реалиями. Эти конструкты в значительной мере воздействуют на работу СМИ, формирующих общественное мнение, а также на партийно-политические установки и суть страноведческих исследований.

В отличие от эмпирических социальных исследований (в том числе ставшего уже классическим подхода, предложенного теоретиками *civic culture* Г. Алмондом и С. Верба¹), я буду исходить из того, что данные конструкты существуют не в виде совокупности индивидуальных установок, а представляют собой исторически обусловленные коллективные феномены, в значительной мере предопределяющие характер восприятия меняющихся внешнеполитических вызовов.

В контексте данной темы интересны: 1) представления государственной общности о собственной национальной идентичности; 2) представления об идентичности соседнего государства; 3) представления о «правильной» политике по отношению к этому государству и ожидания, направленные на реакцию этого государства.

Наконец, под «*национальной идентичностью*» в этой статье понимается относительно стабильное, исторически сложившееся «самовосприятие» государственно-организованного общества.

Стратегическое значение взаимоотношений между Германией, Польшей и России для стабильности в Европе доказано историей. Отношения эти настолько отягощены историческим прошлым, что случаи, когда концептуализация внешней политики осуществ-

---

¹ Almond G., Verba S. *The civic culture*. – Boston, 1965.

лялась в ущерб реальным экономическим и политическим государственным интересам, были не так уж и редки. Выросшие из исторического опыта конструкты так стабильны, что их не смогли существенно поколебать ни членство Польши в СЭВ, ни ее вступление в ЕС.

Треугольник «Россия – Польша – Германия» интересен прежде всего тем, что представления каждой из этих государственных общностей о своей национальной идентичности находятся в процессе изменения, причем точно так же меняются представления об идентичностях обоих соседних государств. И тем не менее модификация конструктов, определяющих восприятие политических вызовов и концептуализацию политического действия по отношению к обоим соседним странам, отстает от изменения как внешне-так и внутривнутриполитических реалий.

Взаимные восприятия Германии и Польши интересны и тем, что, с одной стороны, существует единый «европейский» концепт в отношении к России, обусловленный интеграцией в институты Европейского союза, который в равной мере присущ обоим этим странам, когда речь идет об официальных интересах ЕС по отношению к России и концептуализации общеевропейских политических программ. С другой стороны, в рамках Евросоюза обе эти страны нередко находились в разных политических лагерях, когда речь шла о вызовах международной безопасности. Это размежевание стало особо четким после раздела на «новую» и «старую» Европу в ходе военной операции США против Ирака в 2003 г. Оно преодолевается постепенно и параллельно с изменениями в правительстве Польши.

Концептуализация политики Польши и Германии по отношению к России определена, таким образом, во-первых, «общеевропейской идентичностью», во-вторых, различными позициями этих стран в Евросоюзе, в-третьих, различным историческим опытом в отношениях с Россией и, в-четвертых, опытом их отношений друг с другом. России в этом плане несколько легче: находясь вне Евросоюза, она самостоятельно строит свою политику по отношению к Польше и Германии – с одной стороны, как к членам ЕС, с другой – на традиционном уровне двусторонних отношений.

Сразу следует оговориться: тема «взаимного восприятия» стран этого «треугольника» чрезвычайно широка и не может быть

предметом исследования в рамках одной-единственной научной статьи. Неизбежно сравнительное изучение внутривосточноевропейского дискурса этих стран, причем на всех его уровнях – политическом, научном, общественном. Подобное исследование возможно лишь в рамках монографии.

Поэтому в данной статье автор остановится лишь на некоторых аспектах темы. Кроме того, больше внимания будет уделяться Польше и Германии. Автор исходит из того, что особенности российского восприятия Польши и Германии известны отечественным исследователям значительно лучше, нежели установки, определяющие как взаимное восприятие этих двух стран, так и их отношение к России.

Сначала представим вкратце *основные спорные моменты*, отягощавшие взаимоотношения исследуемых нами стран в последние годы. После этого остановимся подробнее на концептах, лежавших в основе данных споров.

Германия – Польша

1. «Исторический спор», касающийся вопросов увековечения памяти жертв «этнических чисток» в Европе, в том числе, по желанию Берлина, немецких жертв послевоенных депортаций из стран Восточной Европы, в частности из Польши.

Проблема немецких этнических групп, которые были не просто переселены, а (согласно существующей до сих пор в ФРГ градации «беженцев», «переселенцев» и «изгнанных») изгнаны с применением насилия с мест их исторического проживания, вернулась в рамки официальной политической риторики после вступления Польши (и Чехии) в ЕС². Изгнание, в ходе которого немецкое гражданское население теряло частную собственность, а иной раз и жизнь, было узаконено нормативами, действенность которых, как надеялись многие консервативные политики и функционеры

---

² *Немецкие меньшинства из остальных восточноевропейских стран, пожелавших в 1990-е годы стать членами ЕС, либо не были депортированы (зибембургские саксы в Румынии), либо с меньшими жертвами. Подробно о структурах немецких переселенцев в ФРГ и о дебатах 1990-х годов см.: Погорельская С.В. «Право на Родину» и единая Европа // МЭиМО. – М., 1999. – № 5. – С. 66–73.*

«Союза изгнанных»³, будет терять актуальность по мере вступления этих стран в ЕС. Однако этого не случилось. Немецкие правоведа исходили из того, что депортация немцев стоит в общем ряду «этнических чисток» и подпадает под соответствующие нормы международного права. В силу этого они и попытались перед вступлением Польши и Чехии в ЕС «европеизировать» эту проблему. Польские же и чешские правоведа полагали, что депортация легализована Потсдамским договором и является коллективной мерой наказания за преступления немцев, следовательно, не подлежит «европеизации».

В прошедшее десятилетие с обеих сторон было сделано достаточно заявлений и заверений во взаимном отсутствии претензий. Однако как только доходило до конкретных политических правовых шагов, официальные лица возвращались на старые позиции. Эскалация «исторического спора» между Германией и Польшей началась летом 2004 г. В своем стремлении «европеизации» проблемы «Союз изгнанных» официально предложил создать в Берлине финансируемый на правах фонда центр, в задачи которого входила бы историческая обработка результатов всех этнических чисток в Европе, в том числе, разумеется, и «изгнания» немцев. Польша отнеслась к этой идее крайне негативно, не в последнюю очередь потому, что инициатива исходила именно от «Союза изгнанных».

2. Споры о взаимном «возмещении ущерба». Не привели к улучшению взаимопониманий иски польских (и чешских) граждан, угнанных в гитлеровскую Германию на принудительные работы и потребовавших индивидуальных компенсаций. В рамках «восточных договоров» времен правительства Вилли Брандта ФРГ уже перечислила немалые суммы в виде коллективных компенсаций. Индивидуальные компенсации стали выплачивать представители немецкой промышленности, а «изгнанные» немцы, в свою очередь, начали требовать индивидуальных компенсаций от Польши и Чехии. «Союз изгнанных», насчитывавший, по его же данным, около 15 млн. членов, включавший в себя 21 землячество, 16 союзов и 4 объединения «изгнанных» и переселенцев и пред-

---

³ «Союз изгнанных» объединяет организации немецких меньшинств, высланных из мест их бывшего проживания. – Mode of access: www.bund-der-vertriebenen.de/

ставлявший, в числе прочего, правовые и имущественные интересы «изгнанных» и их потомков, активизировал свою политическую деятельность.

Индивидуальные претензии немцев, «изгнанных» в послевоенные годы из Польши и требующих возвращения экспроприированной земельной и иной собственности, на правовом уровне представляло и основанное в 2000 г. объединение «Прусская опека»⁴ (товарищество с ограниченной ответственностью), требовавшее от немецкого правительства защиты немецких интересов. В 2006 г. это объединение подало иск на Польшу в Страсбургский суд по правам человека. Эта правовая возможность открылась перед Германией лишь с вступлением Польши в ЕС. Немецкое правительство в течение всех прошедших после воссоединения Германии лет неоднократно и официально подчеркивало в переговорах с Польшей, что оно ни в коей мере не поддерживает имущественные претензии отдельных немецких граждан по отношению к Польше. Таким образом, оно оказалось между двух огней: затронутым данной проблемой немецким гражданам позиция немецкого правительства кажется предательской⁵, полякам же она представляется недостаточной, и они постоянно требуют от немецкого правительства «большей активности». Возможно, подразумеваются политические меры против соответствующих организаций немецких граждан. В своей позиции Польша опирается на собственные декреты послевоенных лет, которые касались национализации «брошенного» или «бесхозного» имущества.

Таким образом, в то время как депортированные немцы и их потомки требуют возвращения экспроприированной у них собственности или же возмещения ущерба, польский парламент, с одной стороны, стремится получить репарационные платежи со стороны Германии, а с другой – требует от германского правительства (на официальном политическом уровне) признать неправомерным желание депортированных немцев о возмещении ущерба.

3. «Северный поток» («North stream»), газопровод между Россией и Германией в обход Польши (по дну Балтийского моря).

---

⁴ Mode of access: <http://www.preussischetreuhand.de.vu/>

⁵ «Прусская опека» поддерживает в этой связи иски отдельных немецких граждан против германского правительства. – Mode of access: <http://www.preussische-treuhand.org/de/Presse/PDF/Bundesregierung-verklagt.pdf/>

Польша возмущена, что решение принято без предварительного согласования с ней. Ее интересы действительно нарушаются – она теряет доходы от транзита и опасается возможного бойкота поставок газа российской стороной, потому что в газопроводе в сторону Польши планируется лишь одно «ответвление». Однако под объективные экономические интересы в данном случае подводится исторический базис: Польша напоминает Германии, что «особые» отношения между Германией и Россией в обход Польши уже имели место в истории и не отвечают нынешним интересам европейского единства.

Россия – Германия

1. «Энергетический спор». Германия упрекает Россию в попытках превратить поставки газа и нефти на Запад в средство политического давления. Россия указывает на свои экономические и коммерческие интересы.

2. Различные позиции в вопросах взаимных инвестиций. В России приток иностранных инвестиций в стратегически важные отрасли регулируется, однако германские инвестиции приветствуются, и «образ врага» в этой связи не культивируется. В Германии же, особенно в 2007 г., в консервативных кругах (ХДС) говорили о «русских капиталистах», действующих «по заданию Кремля»⁶, и требовали протекционистских мер в вопросах «защиты» жизненно важных сфер экономики от экспансии русского капитала. В немецких предпринимательских кругах, сотрудничающих с Россией, тема, разумеется, популярностью не пользовалась⁷.

3. Размещение элементов американской ПРО в Польше и Чехии. Германия поддерживает эти планы и осуждает выход России из Договора об ограничении обычных вооруженных сил в Европе. Россия указывает на угрозу своей безопасности вследствие подобного размещения.

4. Различные позиции в ряде принципиальных вопросов мировой политики, в частности в вопросе независимости края Косово

---

⁶ В частности, Роланд Кох (ХДС, земля Гессен), см.: *Die Angst vor dem russischen Bären ist irrational // Welt am Sonntag*. – В., 2007. – 8. Juli. – С. 2.

⁷ Frese A. *Wirtschaft in Sorge über deutsche Russlandpolitik // Tagesspiegel*. – В., 2007. – 4. Juni. – С. 4.

и в отношении к Ирану. Германия признала независимость Косово (и начала потихоньку выдворять проживающих в Германии со статусом «беженцев» косовских албанцев), Россия же поддержала Сербию. РФ более чем сдержанно относится к дальнейшему ужесточению позиций мирового сообщества по отношению к Ирану, Германия твердой политической линии в данном вопросе не имела.

5. «Права человека» и «ценности». Ситуацию с правами человека – причем речь идет, разумеется, о правах человека в России, обе страны оценивают по-разному. Германия считает, что в России эти права постоянно нарушаются, Россия же упрекает Запад в политике «двойных стандартов». Требования сотрудничать не с официальной, а с «правильной Россией», уважать «российского капиталиста» только в том случае, если он – противник российского президента, и оказывать на Россию постоянное давление в вопросах демократии и прав человека высказываются преимущественно на общественном уровне и официальной поддержки не имеют. На уровне официальной германской политики тема «прав человека» хоть и присутствует (в частности, она затрагивалась в ходе визитов канцлера А. Меркель в Россию), однако как средство активного политического давления не используется и на экономические отношения не влияет.

Что же касается таких ценностей, как демократия и верховенство закона, то нынешняя германская политика считает их важной составной частью своих политических решений. Россией же они очевидно интерпретируются как идеологическая риторика с целью маскировки реальных политических и экономических интересов.

Существуют еще некоторые проблемы, не выносящиеся на уровень официальной внешней политики, однако постоянно присутствующие на уровне внутривнутриполитических дискуссий в Германии. К ним относится, например, проблема «Восточной Пруссии» (в том числе Калининграда и области). Эта тема официальные отношения практически не осложняла, однако особенно в конце 1990-х годов и начале нового тысячелетия муссировалась в немецкой прессе и общественно-политическом дискурсе. Она непосредственно связана с так называемым «немецким культурным наследием на востоке» и проблемой депортированных немцев. В настоящее время она присутствует на уровне соответствующих зем-

лячеств и объединяющего их «Союза изгнанных». На двусторонние отношения она в последние годы влияния не оказывала.

Россия – Польша

1. «Исторический спор». Польша считает, что Россия все еще недостаточно «покаялась» в причиненных Польше за всю историю своего существования злодеяниях, а в особенности, за пакт Риббентропа–Молотова 1939 г., за Катынь, за послевоенную оккупацию и навязанный в ходе этой оккупации политический режим. Причем российское «покаяние» на общественном уровне полякам неинтересно, им нужно покаяние официальное, из которого могут быть извлечены политически-правовые и экономические следствия. Россия до сих пор относилась к польским морально-историческим претензиям сдержанно.

2. Газопровод «Северный поток». В переговорах с Россией Польша (в отличие от ее переговоров с Германией) делает упор не на историческое или же морально-политическое измерение вопроса, а на экономическое и экологическое. Последнее предложение Польши – провести трассу более дешевым и экологичным наземным путем через государства Балтии и, разумеется, Польшу.

3. Размещение элементов американской ПРО в Польше. Польша предполагает извлечь для себя из этой акции ряд существенных выгод в военно-техническом отношении. Так, взамен предоставления своей территории для десяти антиракет, она хочет получить от США финансовые средства для модернизации своей армии⁸. Россия, признавая право суверенной Польши размещать на своей территории все, что ей захочется, указывает в то же время на угрозу своей безопасности и допускает возможность ужесточения мер своей защиты.

4. Спор о поставках мяса. После того как Россия запретила поставки мяса из Польши (как несоответствующего санитарным стандартам), Польша наложила «вето» на дальнейшие переговоры Евросоюза с Россией о разработке нового Соглашения о партнерстве и сотрудничестве. Этот спор влиял на двусторонние отношения около двух лет. В декабре 2007 г. Россия дала понять, что она готова

---

⁸ См.: *Bush versprach Tusk Raketen // Frankfurter Allgemeine Ztg. – Frankfurt, 2008. – 12. März. – S. 2.*

снять запрет на поставки мяса, Польша же заявила о возможности обсудить судьбу наложенного ей «вето» в «круту членов ЕС»⁹.

Призывая членов ЕС к разработке единой европейской политики по отношению к России, Польша дает Европе понять, что именно она в состоянии эту политику концептуализировать¹⁰. По отношению к России она стремится выступить в роли представительницы ЕС. Стремление это, впрочем, соответствующего отзыва с российской стороны не находит.

Среди проблем, не выносящихся на официальный уровень, но дискутируемых в некоторых польских кругах, следует упомянуть вопрос о том, что Россия должна возместить ущерб полякам, переселенным в связи с изменением границ после Второй мировой войны из восточных областей на запад¹¹. На уровень официальных двусторонних отношений этот вопрос не выносился.

Таким образом, практически все спорные аспекты двусторонних отношений между Германией и Польшей, Польшей и Россией, Германией и Россией в той или иной мере пересекаются. Ментальное измерение реальных противоречий находит выражение в политических и общественно-политических дискуссиях, ведущихся в этих странах. В ходе его анализа выявляется асимметрия взаимного восприятия, обусловленная исторически сложившимися стереотипами, естественная модификация которых отстает от реалий современной политики.

Воссоединение Германии с неизбежностью повлекло за собой формирование новой национальной идентичности, в том числе в вопросах внешней политики. Внутриполитический дискурс по этой теме в 1990-е годы определялся, с одной стороны, исследованием соотношения между «национальной» и «европейской» идентичностью¹², с другой – изучением концепций, определяющих вос-

---

⁹ См.: *Polen zieht Veto noch nicht zurück // Frankfurter Allgemeine Ztg. – Frankfurt, 2008. – 23. Januar. – S. 4.*

¹⁰ *Tusk D. Unser Nachbar Russland // Ibid. – 18. Februar. – S. 3.*

¹¹ См.: *Polnische Vertriebene verlangen Entschädigung // Ibid. – 13. Oct.*

¹² См., например: *Schauer H. Europäische Identität und demokratische Tradition. – München, 1996. – 158 S.; Tibi B. Europa ohne Identität? – München, 1998. – 380 S.; Kühnhardt L., Rutz M. Die Wiederentdeckung Europas. – Stuttgart, 2000. – 366 S.*

приятие темы «национальной идентичности» в Германии¹³, в частности в вопросах внешней политики¹⁴. Особенности политической культуры старой ФРГ вели к тому, что в интеллектуальных кругах охотнее говорили не о «национальной», а о «политической» или же «гражданской» идентичности¹⁵.

Точка зрения, господствующая в официальном внутривнутриполитическом дискурсе, предполагала конституирующее воздействие международных и внутривнутриполитических нормативов на формирование внешнеполитических приоритетов ФРГ. Особо четко она была выражена, в частности, у Ханса Мауля, соединившего старую концепцию «цивилизующей державы» с конструктивистским подходом, и у Фолькера Ритбергера. Однако даже они отмечали усилившуюся после объединения Германии потерю внутривнутриполитической гомогенности¹⁶.

Новое геополитическое положение страны положило начало формированию новой общегерманской идентичности. Внутривнутриполитический диалог тех лет показывает, что некоторые сложившиеся в старой ФРГ внешнеполитические концепты стали довольно-таки быстро модифицироваться по мере изменения характера внешнеполитических вызовов. Ныне можно говорить о смене внешнеполитической парадигмы. Первой изменилось традиционное восприятие роли бундесвера как «сугубо оборонительной армии». В политике этот процесс нашел воплощение в отмене конституционного запрета на участие бундесвера в боевых действиях за пределами стран Североатлантического альянса. Участие бундесвера в военных акциях НАТО против Сербии – государства, пострадавшего от гитлеровской агрессии, – окончательно похоронило старый концепт «оборонительной армии». Начала размываться концепция мирной, «цивилизующей» державы. Принципиально

---

¹³ См., например: Henrich D. *Nach dem Ende der Teilung*. – Frankfurt, 1993. – 232 S.; Schmid W. *Was geht uns Deutschland an?* – Frankfurt, 1993. – 184 S.; Bubner R. *Zwischenrufe*. – Frankfurt, 1993. – 190 S.; Langguth G. *Suche nach Sicherheit*. – Stuttgart, 1995. – 312 S.

¹⁴ Maull H.W., Harnisch S. *Germany as a civilian power*. – Manchester, 2001. – 320 p.

¹⁵ Pfetsch F. *Die Problematik der europäischen Identität // Aus Politik u. Zeitgeschichte*. – Bonn, 1998. – 12.6. – S. 4–12.

¹⁶ Maull H. W. *Außenpolitische Kultur / Hrsg.: Korte K.-R., Weidenfeld W. // Deutschland Trendbuch*. – Bonn, 2001; Rittberger V. *German foreign policy unification*. – Manchester, 2001. – 385 p.

новую нагрузку получил концепт «национальных интересов»: рассуждать о «германских национальных интересах» уже не считалось крамолой и рецидивом национал-социалистического и имперского мышления, напротив, о необходимости их определения и защиты говорилось с высоких трибун. Окончательная «реабилитация» этого понятия состоялась при социал-демократическом канцлере Г. Шрёдере, в ходе иракского кризиса отказавшегося поддержать американскую интервенцию и заявившего, что Германия не обязана скрывать свои национальные интересы и что приоритеты немецкой внешней политики определяются только в Берлине.

Второй важной концепцией, определявшей внешнеполитическую культуру старой ФРГ, был так называемый «принцип исторической ответственности». Раньше он подразумевал в целом историческую ответственность Германии за преступления гитлеровского режима. Ныне он – в такой форме – применим только по отношению к государству Израиль. По мере усиления «национальной» составляющей внешнеполитического мышления временно был введен концепт «возросшей ответственности», оправдывающий постепенную внешнеполитическую и военную эмансипацию воссоединившейся Германии от старого, официально базировавшегося на «исторической ответственности» восприятия внешних вызовов. После постепенного возвращения государства к так называемой «внешнеполитической нормальности» (еще один концепт, определивший в 1990-е годы как характер восприятия внешнеполитических реалий, так и теоретическую базу внешней политики) необходимость оправдывать реалистическую внешнюю политику «возросшей ответственностью» постепенно отпала. Немецкие политологи все прошедшие годы подчеркивали, что их страна лишь преодолевает те перекосы, которые были обусловлены статусом обоих германских государств в годы блокавого противостояния. Новая германская идентичность не предполагает обсуждения тем, ранее считавшихся запретными. Историческая память не уходит из германской внешней политики – напротив, исторический подход теряет свою «избирательность», становится шире.

Германия начинает говорить о тех аспектах своей истории, которые со времен Вилли Брандта были вытеснены на правый край политического спектра, исключены из внешней политики – в первую очередь, о немецких жертвах послевоенных этнических чис-

ток. Пока что этот вектор германской исторической памяти направлен только на восток, хотя немецкие этнические меньшинства были вытеснены и из некоторых других европейских стран, а во Франции (Эльзасе и Лотарингии) стали жертвами политики ассимиляции, проводившейся французами. Реанимировать эти аспекты во взаимоотношениях с европейскими друзьями Германия не хочет. Разве лишь так называемая «бомбовая война» союзников, повлекшая огромное число жертв среди мирного немецкого населения (особенно трагична судьба Дрездена), становится объектом осторожной критики – и то не на официальном уровне, а в исторических и общественно-политических дискуссиях¹⁷. Однако тема «изгнанных» из Восточной Европы, в частности из Польши и Чехии, после воссоединения Германии стала не просто внутривнутриполитической – она осложнила отношения с этими странами.

Возрождение немецкой исторической памяти в Польше воспринимается с тревогой. Современная Польша живет историей не меньше, а, пожалуй, даже и больше, чем ее западный сосед. «Польское правительство разрабатывает свои подходы не столько на основе нынешнего, сколько исторического опыта»¹⁸, – считают немецкие эксперты.

Однако поляки ценят свой исторический опыт, в особенности такой, из которого можно извлечь реальную политическую пользу. Они не считают возможным пересмотреть те исторические конструкции, отказ от которых может принести реальный вред. Так, например, дискуссия о польском антисемитизме была воспринята в Польше как попытка навязать полякам роль «народо-палача», приравнять их к немцам.

Любое возрождение немецкой исторической памяти чревато для поляков возрождением германских великодержавных тради-

---

¹⁷ Темой «бомбовой войны» раньше, до объединения Германии, занимались преимущественно английские и американские историки – в ФРГ ею занимались «правые» политические и околонучные круги, в ГДР же она была популярна среди «инакомыслящих», в годовщины бомбардировок тайком ставивших свечи на руинах дрезденской Фрауэнкирхе (ныне, кстати, восстановленной). К 60-летию Победы (которая в Германии называется «днем поражения и нового начала») эта тема была наконец отобрана у правых радикалов и вынесена на страницы СМИ.

¹⁸ Reckmann J. Normalfall Deutschland // Frankfurter Rundschau. – Frankfurt, 2007. – 23. Juni. – S. 2.

ций. «Как представитель польского общества я должен задать вопрос: что означает эта «новая нормальность»? – спрашивает нынешний глава польского правительства Дональд Туск. – Что должно измениться? Почему все, что обеспечивало безопасность Европы в последние 60 лет, должно быть определено заново?»¹⁹ Польский президент Качиньский предостерегает против принятия Польшей Европейской хартии основных прав – это-де повлечет за собой новые претензии бывших немецких собственников, требующих от Польши возвращения имущества или выплаты компенсаций.

Немцев удивляет щепетильность поляков, снова и снова требующих официальных заверений в несостоятельности подобных имущественных претензий. С их точки зрения, страхи польских соседей иррациональны, особенно учитывая членство обеих стран в ЕС. Однако на польскую щепетильность в данном вопросе общеевропейский подход не действует. «От многих влиятельных немцев я слышу снова и снова, что их стране пора вернуться к тому естественному состоянию, которое соответствовало бы ее экономическому, демографическому и культурному потенциалу, – считает Туск. – Они полагают, что фаза самоограничения и покаяния должна наконец завершиться. Можно подумать, они забыли, что именно самоограничение немцев и их самокритичная позиция создали тот фундамент, на котором зиждется доверие Европы (а с 1989 г. и Польши) к их стране»²⁰.

Высказанное близкими к «Союзу изгнанных» в 2004 г. политическими кругами предложение создать Центр памяти жертв этнических чисток в Берлине вызвало бурю протестов в Польше, где его интерпретировали как символическую попытку увековечить память немецких жертв «изгнания» рядом с памятниками польским и иным жертвам немецкого фашизма. До последнего времени высказывались опасения, что объединившаяся Германия пытается пересмотреть «иерархию исторической ответственности»²¹, «переписать» историю, дистанцироваться от «коллективной вины» немцев, сомнений в которой ни поляки, ни чехи не имеют и о которой

---

¹⁹ Tusk D. Die Geschichte ist wieder Ballast // *Frankfurter Allgemeine Ztg.* – Frankfurt, 2007. – 10. Dezember. – S. 3.

²⁰ *Ibid.*

²¹ *Ibid.*

они вспоминают всякий раз, когда затрагивается тема послевоенной депортации немецких меньшинств. С точки зрения поляков, больше смысла имел бы общеевропейский музей Второй мировой войны, например в Гданьске, причем участвовать в его создании могли бы и не члены ЕС, например Россия и Израиль.

В Германии же видят проблему по-другому. В принципе, воссоединившаяся Германия очень осторожна в вопросах, связанных с «табуизированными» темами. Отступление от сложившегося концепта в официальном освещении, например от темы Холокоста, немыслимо. Возведение памятника жертвам Холокоста именно в центре Берлина, на месте бывшего гитлеровского бункера, если и критиковалось в прессе, то исключительно из эстетических градостроительских соображений. Так почему бы, спрашивает себя немецкий бюргер, не создать в Берлине и центр, в котором в числе прочего будет увековечена память немецких гражданских жертв, пострадавших в ходе этнических послевоенных депортаций? Тем более если центр этот задуман не в виде символического монумента, а в виде живой, меняющейся экспозиции, открывающей возможность для взаимных дискуссий по спорным темам. Как на быденном уровне, так и во внутриполитических дискуссиях немцы, не отрицая вины нацизма перед иными народами, в исторической перспективе склонны видеть в рядах жертв и немецкое гражданское население. Живучесть старых национальных «образов врага» именно у тех восточноевропейских соседей, которые, как полагает рядовой немец, должны быть благодарны ФРГ за политическую и экономическую поддержку в трудные времена начала 1990-х годов, оказалась обидной неожиданностью. Подрастающее же поколение объединенной Германии в любом случае не может идентифицировать себя с нацистскими палачами и принять на себя – помимо безработицы и социальных проблем – еще и «коллективную вину» бывших поколений немецкого народа, тем более что все больше немецкой молодежи, особенно в больших городах, выходцы из иммигрантских семей.

Проблемы, которые, казалось, навсегда ушли в прошлое, оживают на новом витке европейской интеграции. И взгляд на эти проблемы принципиально различен, ибо официальная политика разных стран трактует их неодинаково; по-разному сохранились они и в исторической памяти народов. Вопросы, естественные для

двусторонних отношений стран, некогда воевавших друг с другом, могут оказаться губительными, если бывшие «враги», не преодолев отягощающего их взаимные отношения исторического прошлого, оказываются интегрированными в структуру, стремящуюся к политическому единству, а именно таковой и является нынешний Евросоюз. И если европейские политики в целях более быстрого продвижения политической интеграции вместо обсуждения проблем, вытесненных из двусторонних отношений (а значит, и из официальной политики), во имя «светлого общеевропейского будущего» пойдут по пути искусственного конструирования недавнего европейского прошлого, возрождение этих проблем в расширившемся ЕС неизбежно.

Вступив в ЕС, Польша задается вопросом, как ей вместе с Германией разработать единую политику по отношению к России. Общеевропейские концепции политики по отношению к России, нашедшие выражение в соответствующих документах²², кажутся польским стратегам в данном случае явно недостаточными.

Однако на практике такая единая «германско-польская» политика по отношению к России вряд ли возможна. В отношениях обеих стран с Россией общеевропейский концепт имеет, возможно, значение для обоснования собственной политики, но вряд ли сможет объединить их, по крайней мере если речь пойдет не о безыскусной культивации «образа врага на востоке», а о реальной политике интересов. Ибо интересы эти слишком различны, а асимметрия восприятия слишком велика.

Польша претендует быть «посредником» между Европой и Россией. Германия предложила себя в качестве такого посредника значительно раньше, в начале 1990-х годов, причем всем восточно-европейским странам. Общаться с Россией в рамках ЕС для Германии приемлемо, общаться с Россией через Польшу или только вместе с Польшей – гротеск. Польша опасается возрождения «особых отношений» между Россией и Германией, которые для Польши всегда кончались крахом (для России с Германией, впрочем, тоже). Германия в ее нынешнем состоянии, являясь одной из важнейших стран «европейского ядра», будучи интегрирована не только в ев-

---

²² Подробнее о политике ЕС по отношению к России см.: *EU – Russia relations*. – Mode of access: http://ec.europa.eu/external_relations/russia/intro/index.htm/

ропейские, но и в трансатлантические структуры, возрождения таких «особых» отношений с Россией представить себе не может. Налицо интересное различие в восприятии, ибо Россия, по крайней мере в 1990-е годы, такие отношения (пусть не «особые», но во всяком случае перешагивающие общеевропейское измерение) представить себе вполне могла, о чем свидетельствовали многочисленные и позитивные воспоминания о «традициях Рапалло», рассматривавшихся в так называемой околополитической сфере (представительства германских политических фондов в Москве получали от российских общественно-политических сил и из научных кругов запросы о проведении соответствующих конференций). На околополитическом уровне российской стороной снова и снова делались попытки нащупать некие исторически сложившиеся и геополитически обусловленные характеристики, сближающие Россию и Германию помимо общеевропейских интересов. Имели место и попытки – с немецкой точки зрения наивные – отдельных российских политических сил опереться на опыт немецких «изгнанных» для консолидации российской диаспоры «ближнего зарубежья» (один из германских политических фондов еще в середине 1990-х годов получал запросы соответствующих российских политиков, желавших за счет этого фонда посетить Германию с целью приобщения к деятельности «Союза изгнанных»).

Между тем политическая культура, сложившаяся в старой ФРГ, в корне исключала любой германский унилатерализм. «Политическая корректность» ФРГ не допускала возможности оперировать геополитическими категориями даже в научных дискуссиях, если речь шла о современной политике. Некоторые, употреблявшиеся российской стороной понятия (например, «ось») считались в Германии исторически скомпрометированными, поэтому их по возможности избегали. Несмотря на территориальное расширение страны на восток и ее превращение из «Западной» и «Восточной» Германии в единую центральноевропейскую державу, концепции, определявшие в 1990-е годы восприятие России, были скорее негативными: они могли бы относиться к побежденному, СССР, но отнюдь не к тянувшейся к Западу ельцинской России, и были полностью противоположны тем представлениям, которые были характерны для России тех лет. Ельцинские политики начала 1990-х годов отмечали «независимость России»; Запад же – свою

«победу в холодной войне с русскими». Расширение трансатлантических и европейских структур на восток в немецких СМИ объясняли «непредсказуемостью» России, которая «все еще слишком велика», недостаточно демократична, вот-вот развалится и «как кошмар висит над молодыми балтийскими демократиями»²³. От бывшего «образа врага», культивировавшегося в старой ФРГ по отношению к СССР, осталась благодарность лично к М. Горбачеву (непрерывному гостю немецких мероприятий тех лет), искреннее сочувствие к «бедным русским» (выражаемое в гуманитарной помощи) и назидательность по отношению к официальной российской политике. В качестве примера достаточно лишь сказать, что чеченские сепаратисты, в том числе участники террористических формирований, вплоть до событий 11 сентября 2001 г. именовались в немецких СМИ «борцами за свободу»²⁴.

Согласно официальной доктрине Запада, стабильное, свободное от конфликтов развитие может быть обеспечено лишь в демократических системах. Первые проекты германских политических фондов начала 1990-х годов в России шли под общим названием: «Демократизация России». Демократизация и стабилизация считались первоочередным приоритетом германской политики по отношению ко всему постсоветскому пространству. Еще в начале 1990-х годов ельцинские политики и близкие к Кремлю политологи воспевали бескорыстную просветительскую и демократизаторскую деятельность западных НПО. Асимметрии восприятия начали усиливаться по мере расширения трансатлантических и европейских структур на восток, ужесточения позиций Запада по отношению к политике России в «ближнем зарубежье» и в ходе чеченского кризиса.

Со сменой власти в России и постепенным усилением стратегического измерения российской внешней политики эти асиммет-

---

²³ Эту великолепную фразу из немецких теленовостей тех лет автор приводит по личным записям. Обучаясь в начале 1990-х годов в аспирантуре Боннского университета, она собирала особенно своеобразные материалы немецких СМИ о России.

²⁴ В контексте данной статьи интересна вся антироссийская кампания, последовавшая сразу за вводом войск в Чечню в декабре 1994 г.: Бундестаг тут же поставил эту тему на повестку дня, правозащитник Лев Копелев с телеэкрана заговорил о «беззащитном чеченском народе перед лицом советских танков», а престарелые эксперты-атлантисты с радостью вернулись к привычному клише холодной войны.

рии стали очевидными даже для немецких исследователей. Германское правительство красно-зеленой коалиции под руководством социал-демократа Шрёдера взяло (после 11 сентября 2001 г.) реалистический курс по отношению к России, восприятие же ее в немецкой околополитической сфере и обществе определялось стойкими представлениями, сложившимися в 1990-е годы.

В ходе разного рода «диалогов» и иных мероприятий российским «элитам» приходилось испытывать горькое разочарование. Вместо того чтобы – как ожидали россияне – совместно говорить о стратегических интересах, искать точки соприкосновения в спорах об актуальных проблемах европейского и мирового политического процесса, представители немецких «элит» явно стремились «демократизировать» своих российских коллег, ставя уровень политического сотрудничества в зависимость от качества российской демократии. Фраза: «Русским предстоит еще очень многому учиться!» – определяла тон подобных мероприятий²⁵.

Эти представления, прочно укоренившиеся в околополитических кругах немецкого общества за 1990-е годы и очень медленно модифицирующиеся, определяют подачу темы в германских СМИ и воздействуют на концептуализацию реальной политики интересов по отношению к России. Несмотря на усиливающееся экономическое сотрудничество и взаимопроникновение капиталов (или как раз поэтому), многие немецкие политики предостерегают федеральное правительство от сближения с «русскими», подчеркивая, что Россия не может быть для Германии «стратегическим партнером». По их мнению, с ней возможно лишь сотрудничество, «но на более четких условиях»²⁶ касательно развития демократии и соблюдения прав человека.

Исторически сложившиеся асимметрии восприятия между Россией и Польшей оказывают немалое воздействие на реальные

---

²⁵ Конкретные примеры приведены в статье экспертов О. Каспара и Ю. Гальперина. См.: Caspar O., Galperin J. *Russlandbild in Deutschland – geprägt auch durch innerdeutsche Befindlichkeiten.* – 2005. – Mode of access: <http://www.dgo-online.org/fileadmin/Laenderanalysen/Russland/2005/russlandanalysen75-05.pdf/>

²⁶ Link M. *Moskau ist kein strategischer Partner // Tageszeitung.* – B., 2008. – 4. März. – S. 2.

двусторонние отношения между этими странами²⁷, однако не только не дают общего базиса для некоей совместной германско-польской политики по отношению к России, но могут расстроить даже возможное сотрудничество Германии и Польши в рамках общеевропейских стратегий по отношению к России. Сложившиеся в Польше концепты предполагают «врагов» с обеих сторон, причем с одним из них, представляющим в данный исторический момент «меньшее зло», можно временно кооперироваться *против* другого. Примеров трехстороннего конструктивного и долгосрочного сотрудничества по линии Россия – Польша – Германия история не дает. Германия отвергнет польское «посредничество» в отношениях с Россией, Польша – германское. Возможности этих стран, равно как и других государств Евросоюза, сводятся к отказу от политики «исторического опыта» во имя политики «общих ценностей».

Подведем некоторые *итоги*.

Польша живет своим историческим прошлым как никакое другое европейское государство и поэтому крайне болезненно относится к любым политическим шагам, которые могут поставить под вопрос ее сложившийся исторический образ. «Вернувшись» в Европу после распада системы социализма, она одновременно вернулась к той традиционной роли, которую играла в Европе до 1945 г. Воспоминания о славных исторических традициях далекого прошлого так же сильны, как и комплекс страны, «зажатой» между двумя могучими соседями с востока и запада, снова и снова разделяемой ими – и снова и снова возрождающейся. Польша сжилась с образом героической, непокоренной страдальницы и не может с ним расстаться. Поэтому такое сопротивление встречают с ее стороны призывы немецких историков не умалчивать о сотрудничестве поляков с гитлеровцами, о польском антисемитизме времен гитлеровской оккупации и первых послевоенных лет, о преступлениях против мирного немецкого населения в период депортации. Артикуляция подобных тем на общественно-политическом уровне нанесет сложившейся концепции польской национальной идентичности удар, пожалуй, значительно более сильный, чем, например, нанесло сложившемуся во Франции представлению о ее роли во

---

²⁷ См. подробнее: Ochmann C. *Die polnisch-russischen Beziehungen im Kontext der neuen Ostpolitik der Europäischen Union // Russland Analysen*. – Bremen, 2007. – N 123. – S. 2–6.

Второй мировой войне, сделанное во время празднования 60-летия победы напоминание французского президента, что кроме Франции де Голля была и Франция Виши.

Польша охотно видит себя в роли исторической жертвы, не забывая в то же время о своей былой европейской славе и стремясь представить себя форпостом Европы на востоке. В качестве европейской силы она пытается расширить свое влияние в Украине, Белоруссии, Молдавии. Традиционная ориентация Польши на Запад (ранее – на Францию, ныне – на США и Великобританию), минуя Германию, не случайна: как в старой концепции баланса сил, так и ныне судьба Польши, с точки зрения западноевропейских держав, да, пожалуй, и ее собственной (пусть и не высказанной официально) – уравнивать влияние германского «великана» и быть заслоном на пути России в Европу.

Идентичность воссоединившейся *Германии* находится в фазе становления. Историческое измерение, в отличие от Польши, играет не «наступательную», а, скорее, сдерживающую роль в формировании нового национального самосознания. Германия не может опереться на «славные традиции» исторического прошлого, однако попытки осторожной исторической эмансипации от сложившихся в Европе после Второй мировой войны представлений в отношении Германии, в частности в вопросах депортированных немецких меньшинств или же иных немецких жертв, наблюдаются все чаще. Старая ФРГ свое историческое прошлое «преодолевала», воссоединившаяся Германия начала его осторожно пересматривать. На внутриполитическом уровне налицо борьба различных «потоков» германской «культуры памяти»: официальной «западногерманской» культуры воспоминаний, концентрировавшейся вокруг преступлений нацизма и благодарности к англо-американским освободителям; остатков левой «западногерманской» культуры, сохраняющейся благодаря усилиям горстки интеллектуалов поколения 1968 г. и «автономными» левыми – здесь не испытывают уважения ни к американцам, ни к Германии; политически малозначительных рецидивов неприятия фашизма в ГДР и существовавшего там интернационализма; чрезвычайно активной праворадикальной культуры; и наконец, неофициальной, но самой стойкой, самой правдивой «народной» памяти, сохранившейся в восприятии людей старшего поколения.

Возможно, работа немецкой исторической мысли последних лет окажет не только немецкому самосознанию, но и всей Европе хорошую услугу, помогая окончательной и полной обработке исторического прошлого в рамках Евросоюза. Однако это возможно лишь в том случае, если эта новая германская историческая память не будет огульно отвергаться ее европейскими соседями как попытка «исторического ревизионизма» и если исторический дискурс будет вестись на общеевропейском уровне, во всех странах Евросоюза, но в то же время не касаясь реалий нынешних двусторонних отношений. Возможно, впрочем, что время окончательной оценки истории Второй мировой войны и первых послевоенных лет еще не пришло – даже для государств, объединенных европейскими и транстатлантическими структурами и едиными ценностями. Однако в таком случае она окажется балластом на пути к политической интеграции Евросоюза. Ибо концептуализация единой европейской политики в рамках ЕС в решающей мере зависит от формирования такой политической культуры, в которой восприятие исторически обусловленных проблемных моментов двусторонних отношений определялось бы общеевропейскими подходами.

Российская идентичность – после развала СССР – до сих пор находится в фазе становления. Возможно, что именно отсутствие у нынешних российских политиков исторических комплексов, будь то комплекс «исторических страдальцев», «исторических злодеев», «старшего брата» и т.д., оказывает ей хорошую службу. Во всяком случае, в последние годы Россия не прикрывала реальную политику интересов морально-исторической и морализаторской риторикой.

Преодоление асимметрии взаимного восприятия жизненно необходимо в первую очередь для Польши и Германии – во имя интересов европейской интеграции. Изучение модифицирующихся подходов, определяющих концептуализацию политической стратегии этих стран по отношению к России, необходимо РФ в первую очередь для того, чтобы строить свою внешнюю политику по отношению к Польше и Германии на реалистических основах. Быть может, в будущем эти три страны, историческое сосуществование которых определялось геополитическим тезисом «рядом друг с другом – против друг друга», смогут наконец строить свою политику «вместе друг с другом».